

Е.А. Мельникова

**УЧАСТИЕ ЭТНОГРАФОВ
В КРАЕВЕДЧЕСКОЙ РАБОТЕ 1920–1930-Х ГОДОВ
(МАТЕРИАЛЫ ОТДЕЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО
ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ МЕСТНОГО КРАЯ
НА ФИНСКО-ЛАДОЖСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ)**

Становление этнографических институтов начала XX в. было тесно связано с развитием краеведческого движения. Многие исследователи уже обращали внимание на роль краеведческих обществ и отдельных краеведов в формировании музейных этнографических коллекций [Ионова 1957: 51; Соловей 1998: 53–56; Станюкович 1964: 103; Hirsch: 685], но, как представляется, связь между этнографией и краеведением в этот период имела гораздо большее значение.

Во-первых, все специалисты, игравшие заметную роль в создании и развитии этнографических институтов, принимали участие в организации краеведческого движения и создании краеведческой сети в 1920-е годы. С.Ф. Ольденбург занял пост председателя Центрального Бюро краеведения. Д.А. Золоторев, Д.А. Анучин, Л.Я. Штернеберг принимали активное участие в организации краеведческой работы и регулярно публиковались на страницах краеведческих журналов.

Во-вторых, целый ряд специалистов, впоследствии признанных профессионалов-этнографов, начинали свою деятельность как сотрудники различных краеведческих организаций. Среди них Н.М. Моторин, бывший в 1926–1927 гг. членом Псковского общества изучения местного края и написавший «Историю Себежского края» (оставшуюся неизданной) [Решетов 2003 б: 151], Т.А. Крюкова, работавшая в 1929–1931 гг. в Козьмодемьянском краеведческом музее [Решетов 2003 а: 278–280], А.Н. Липский, возглавивший в 1920 г. работу Хабаровского краеведческого музея [Вайнштейн 2003: 466] и многие другие. При всем количестве историографий отдельных краеведческих центров России и биографий отдельных этнографов первой половины XX в. до сих пор не существует исследования, систематизирующего материалы о роли краеведческой работы в становлении первых российских этнографов.

Наконец, в-третьих, выпускники первых этнографических кафедр нередко участвовали в работе краеведческих обществ и музеев, организуя совместные экспедиции, выставки, доклады.

Ниже речь пойдет об одном из ленинградских обществ, которое в конце 1920-х годов активно сотрудничало с выпускницами этнографического отделения географического факультета ЛГУ — Марией Давыдовой Торэн и Евгенией Романовной Лепер.

Краеведческие общества 1920-х годов (как, впрочем, и позднее) не были ориентированы исключительно на этнографическую репрезентацию региона. Более того, краеведческая теория формировалась как язык описания страны в подчеркнуто не-национальных терминах. Подробнее о связях между краеведением и советской национальной политикой 1920-1930-х годов автору уже приходилось писать [Мельникова 2012].

Кроме того, отсутствие строгих схем репрезентации материалов в 1920-е годы предоставляло краеведческим музеям и обществам значительную свободу в выборе того, что именно стоит показывать и о чем рассказывать, представляя свой «край». Это могли быть данные о географии, климате, флоре и фауне, местных выдающихся деятелях, литературной традиции и т.д. Поворот в сторону этнографии происходит именно в конце 1920-х годов. Именно поэтому история развития краеведческого общества, неожиданно открывшего для себя этнографическое поле деятельности, представляет интерес в связи с историей и собственно этнографии.

Общество, о котором пойдет речь дальше, многократно меняло свое название и институциональную принадлежность. В марте 1916 г. при Коммерческом училище возник кружок по изучению Лесного, преобразованный 9 июля 1922 г. в Общество по изучению Лесного. Через год, 1 июня 1923 г., оно влилось на правах отделения в общество «Старый Петербург», а 3 января 1927 г. вышло из него, став сначала отделением Ленинградского общества изучения местного края на Финско-Ладожском перешейке, а в 1928 г. — отделением Ленинградского окружного общества краеведения. С 1930 г. и вплоть до ликвидации в 1937 г. Общество было самостоятельным¹.

История кружка по изучению Лесного достаточно подробно описана в работах С.Е. Глезерова, давшего общую характеристику атмосферы

¹ Материалы общества хранятся в Центральном Государственном архиве литературы и искусства в Санкт-Петербурге [ЦГАЛИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 4], а также в Центральном Государственном архиве Санкт-Петербурга [ЦГА СПб. Ф. Р-7403. Оп. 11–12]. В данной работе используются только материалы ЦГАЛИ. Далее в тексте указывается только номер дела и лист.

т.н. «русского Кембриджа» — пространства Лесного, интеллектуальная среда которого определялась расположенными там Лесным и Политехническим институтами [Глезеров 2001: 232–254; 2006: 270–282]¹. Профессора обоих высших образовательных учреждений принимали участие как в организации коммерческого училища, открытого в 1904 г., так и в его последующей работе [Глезеров 2001: 233–234].

Создание кружка по изучению Лесного было связано с именами его преподавателей, известных уже в те годы специалистов: Михаила Яковлевича Рудинского, Марка Константиновича Азадовского, Владимира Александровича Трофимова, Дмитрия Никифоровича Кайгородова. За исключением Д.Н. Кайгородова — ведущего российского фенолога, профессора Лесного института — все идеологи кружка были гуманитариями. М.Я. Рудинский закончил историко-филологический факультет Харьковского университета и занимался археологическими исследованиями, М.К. Азадовский был членом редакционной комиссии Отделения этнографии РГО и постоянно участвовал в фольклорных экспедициях, В.А. Трофимов закончил историко-филологический факультет Петербургского университета и преподавал в училище русский язык.

Открытие кружка поддержал директор училища Геннадий Николаевич Боч, преподававший в училище химию и ботанику [Титов 2009] и ставший впоследствии неизменным главой Общества и отделения Общества «Старый Петербург» в северных окрестностях. Однако (судя по архивным материалам) его роль ограничивалась формальным участием в делах общества в качестве руководителя учреждения, где находилось само отделение.

Первым руководителем кружка был М.Я. Рудинский, после отъезда которого на Украину летом 1917 г. краеведческую деятельность возглавил М.К. Азадовский. В 1918 г. он также покинул Петроград, став доцентом кафедры литературы Томского университета, а затем руководителем кафедры литературы в Иркутском университете. В.А. Трофимов был избран в августе 1917 г. в Лесновскую подрайонную думу, а позднее возглавил отдел народного образования Выборгского района.

После ухода из кружка руководителей старшего поколения его деятельность была возобновлена уже в начале 1920-х годов силами их уче-

¹ В работах С.Е. Глезерова рассматривается история не только кружка, но и отделения Общества «Старый Петербург» в северных окрестностях. Кроме указанных работ, С.Е. Глезеров опубликовал сборник воспоминаний о Лесном [Глезеров 2011], куда вошли публиковавшиеся ранее мемуары Г.В. Кравченко [2004, 2007] и А.В. Кобак [1999]. История кружка также затрагивается в работе Е.А. Александровой [Александрова 2008: 301–302], однако многие приведенные ею факты не соответствуют действительности.

ников, ведущая роль среди которых принадлежала Сергею Александровичу Безбах. Вплоть до ликвидации Общества в конце 1930-х годов он был лидером и единственным его постоянным сотрудником, занимая на протяжении всей истории Общества пост заместителя главы президиума.

Согласно данным анкеты, хранящейся в делах Общества, Сергей Александрович Безбах родился в 1898 г. После окончания школы в 1916 г.¹ он поступил в Морское инженерное училище. В 1918–1919 гг. служил в Комиссии здравоохранения, а затем в 1919–1921 гг. — в Красной Армии. После войны он поступил в Политехнический институт и одновременно начал преподавать родиноведение и краеведение в 168-й и 170-й школах Ленинграда. С 1924 г. Безбах также учится в Ленинградском государственной университете, а с 1925 г. является научным сотрудником Центрального бюро краеведения [Д. 4. Л. 73–74 об.].

Вероятно, сразу же после демобилизации из армии С.А. Безбах устраивается в свою родную школу преподавателем и возобновляет работу кружка, преобразованного в июле 1922 г. в Общество по изучению Лесного. В материалах этих лет уже фигурирует Музей северных окрестностей, игравший важную роль как в деятельности самого С.А. Безбах, занимавшего пост хранителя Музея, так и в работе всего Общества.

До 1921 г. материалы Музея хранились в 168-й совтрудшколе, в которую было реорганизовано Лесное коммерческое училище, но после пожара 1921 г. их перевезли в помещение Лесной экскурсионной станции (закрытой уже в марте 1924 г.). Здесь же была развернута первая выставка Музея. Однако в 1923 г. часть материалов была перевезена обратно в здание 168-ой совтрудшколы и размещена в помещении бывшего алтаря церкви Общества «Лепта»² и прилегающей к алтарю ризницы.

В первые годы деятельности Общества всех его участников интересовала, в первую очередь, история района. Именно поэтому реорганизация объединения в отделение Общества «Старый Петербург» в северных окрестностях, произошедшая в июне 1923 г., представлялась всем его членам естественной и давала надежду на государственную поддержку.

¹ Материалы о юности С.А. Безбах и его учебе в школе были найдены Н. Лаврентьевым [Лаврентьев 2009], опубликованы С.Е. Глезеровым [Глезеров 2009]. Я благодарю Н. Лаврентьева за любезно предоставленную рукопись доклада.

² Общество «Лепта» — это помещение начальной школы, открытой еще до революции, а впоследствии здания, где находились начальные классы 168-й школы.

На первом заседании Общества уже в качестве отделения Общества «Старый Петербург» его председатель говорил о том, что

«работа была бы параллельной с существующим уже и деятельно работающим Обществом Старый Петербург, помещающимся в городе. Вот поэтому-то и [был поставлен] вопрос, который, в конце концов, разрешился в смысле уничтожения старого нашего общества и превращения его в отделение Общества “Старый Петербург”» [Д. 9. Л. 1].

Задачи общества в тот момент понимались как полностью совпадающие с задачами самого Общества «Старый Петербург». Их официальная формулировка регулярно воспроизводилась в поквартальных отчетах:

«Изучение, популяризация и художественная охрана северных окрестностей Петербурга» [Д. 6. Л. 35].

Деятельность отделения в 1923–1925 гг. касалась, в первую очередь, сбора материалов о различных областях жизни Лесного и включала в себя изучение прошлого района и его памятников, имеющих историко-художественное значение. Предполагалось также изучение революционного прошлого района, природы, ее влияния на особенности занятия населения. Предусматривалась охрана историко-культурных и художественных памятников, расширение и пополнение коллекций принадлежащего отделению Музея северных окрестностей Ленинграда. Отделение содействовало новому строительству, согласовывало с историческими и климатическими особенностями местности планы застройки, занималось популяризацией идей Общества среди широких масс населения, вовлекало их в работу по изучению и охране старого города и рациональному строительству нового города [Д. 6. Л. 200].

На протяжении всей своей истории Общество испытывало финансовые трудности. Архивные материалы изобилуют письмами в различные инстанции с просьбами о поддержке. Несмотря на то что официально как ленинградские, так и московские административные органы (это и собственно Выборгский райсовет, и в более позднее время Главнаука) практически всегда одобряли деятельность отделения и даже включали ассигнования на его финансирование в свой бюджет, деньги поступали крайне редко. Тем не менее сама эта поддержка давала С.А. Безбах надежду на возможность решения финансовых проблем и, главное, созда-

вала уверенность в том, что деятельность Общества является важной с точки зрения самих властей.

Однако в 1926 г. в отношениях с властями произошел кризис. Проблемы, возникшие перед Обществом в это время, свидетельствуют не только и не столько, как показывает дальнейшая судьба отделения, о начале давления на краеведческие организации, сколько о конфликте различных пониманий того, что должно составлять сущность краеведческой деятельности.

8 октября 1926 г. административный отдел Ленинградского губернского исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (далее АОЛГИ) отказал отделению в ежегодной регистрации [Д. 37. Л. 196]. Такое решение было для всех членов общества совершенно неожиданным, и С.А. Безбах немедленно вступил в переписку с административным отделом. С.А. Безбах делает акцент на том, что АОЛГИ, признавая «чисто краеведческие» задачи отделения, полагает, что оно может существовать «лишь как самостоятельное общество, ставящее себе задачей краеведение, либо влиться в Губернское Общество краеведения. Существование же в одном городе наряду с Обществом “Старый Петербург — Новый Ленинград”» было признано недопустимым [Д. 37. Л. 202].

Таким образом, деятельность Отделения, которая по-прежнему оценивалась как «краеведческая», теперь требовала соответствующего институционального оформления. В письме от 20 октября того же года С.А. Безбах сообщает в АОЛГИ о том, что отделением «немедленно будут приняты меры по реорганизации своей деятельности, согласно вашим указаниям» [Д. 37. Л. 205]. И уже 2 ноября на заседании Бюро краеведения Северо-Западной области обсуждалось «Заявление отделения “Старый Петербург — Новый Ленинград” о реорганизации его в краеведческую организацию», при этом признавалось «желательным присоединение указанного отделения к ЛОИМК» [Д. 37. Л. 229].

Конфликт заставил С.А. Безбаха искать новые модели в организации деятельности отделения. Он обращается также в секцию молодых краеведов Парголово-ской волости ЛОИМК с предложением объединения деятельности с секцией. На заседании 11 декабря 1926 г. было принято решение

«содействовать организации отделения Ленинградского общества изучения местного края на Финско-Ладожском перешейке, где и надлежит сосредоточить всю научно-исследовательскую работу, имеющую местное значение» [Д. 37. Л. 262].

Тогда же происходят и кардинальные изменения сферы деятельности Общества, теперь уже — отделения ЛОИМК на Финско-Ладожском перешейке. В 1927 г. внутри отделения создается культсекция, одним из направлений работы которой становится организация публичных концертов. Среди членов общества появляется значительное число артистов театра оперы или балета, преподавателей и студентов консерватории, музыкантов¹.

В штате отделения открывается должность «ведающего культработой», а само отделение постоянно фигурирует в конце 1920-х — начале 1930-х годов в качестве организатора концертов в различных городах СССР². По данным специальной комиссии, обследовавшей работу отделения в конце 1920-х годов, значительная часть его средств поступала именно от организации концертов³.

Второе направление культпросвет работы отделения было связано с созданием в Музее этнографических программ, проведением этнографических экспедиций и сотрудничеством с ленинградскими этнографами. В 1927 г. общество заявляет об организации серии вечеров-концертов из цикла «Страны и народы», посвященных народностям, живущим на Финско-Ладожском перешейке [Д. 47. Л. 2]. В служебной записке, направленной в культотдел Ленинградского Губпрофсовета, говорится о том, что

«отделение ЛОИМК на Финско-Ладожском перешейке, в порядке своей плановой краеведческой музейной и культурно-просветительной работы и в целях ознакомления рабочих организаций с бытом, эпохой и изобразительным искусством народностей, населяющих Финско-Ладожский перешеек и прочих народностей Союза ССР и иностранных государств, проводит серию научно-показательных литературно-художественных вечеров-концертов,

¹ Среди них Артамонов Н.С., Богданов-Березовский В.М., Ежов М.С., Иванов Л.Ф., Касторский В.И., Курфюрст М.Д., Лавров И.М., Майзенштейн И.А., Пивоваров М.С., Поршчева В.М., Рапопорт А.И., Стремлянова Е.Н., Бицкий А.В., Билибин Н.Н. [Д. 39].

² Концерт ансамбля отделения был, например, проведен в декабре 1927 г. в Ташкенте. Также от имени отделения проводились выступления артистов в Вологде, Ульяновске и других городах.

³ «Средства отделения слагаются: Главнаука — 200 руб. в год, от концертов — 438 р. 41 к., взносы от членов — 39 р. 50 к., продажа изданий — 44 р. 51 к., от Лесного института на издание книжки об институте — 400 р., от ГНК НКП на издательство — 300 р. Выборгский райсовет — 250 р., от Окрисполкома на летние полевые работы на перешеек (sic) — 1375 р. Итого: 3197 р. 42 к. Кроме того, имеется Кайгородовский фонд — 1523 р. 78 к.» [Д. 4. Л. 53]

сопровожаемых научными докладами. Устройством подобного рода вечеров отделение поставит на желательную высоту работу своего музея «Северных окрестностей Ленинграда» и поднимет научно-просветительное значение краеведческого музея. Свою работу отделение будет согласовывать с культотделами Союзов» [Д. 47. Л. 17].

Как практически были организованы эти концерты, судить сложно, однако сохранившиеся в делах отделения программы этнографических вечеров свидетельствуют о том, что в 1927–1928 гг. эти вечера не были посвящены только Финско-Ладожскому перешейку, но должны были показывать культуру всех советских республик. Были организованы (или предполагались к организации), например, такие концерты: «Белорусский край и песня музыка народа», «Народная бытовая инсценировка украинского народа (поэзия, песня, музыка) с участ. К.Я. Реколо», «Кавказ и его народная (поэзия, песня, музыка и танец)», «Цыгане (в русской [северной] культуре)» «Финско-эстонский фольклор», а также цикл вечеров русского народного творчества [Д. 47. Л. 7–8 об.]. Все т.н. художественно-этнографические вечера были в основном концертами, где принимали участие все те артисты театра и оперы, которые в недавнее время стали членами общества.

Иная форма этнографической работы появляется в обществе с приходом туда в 1929 г. Марии Давыдовны Торэн [Д. 39. Л. 148] и Евгении Романовны Лепер [Д. 39. Л. 132]. Обе в тот момент были дипломницами этнографического отделения ЛГУ. Их появление в обществе было, по всей видимости, результатом сотрудничества отделения и Ленинградского общества изучения культуры финно-угорских народов (ЛОИКФУН).

О попытках организации совместных экспедиции уже летом 1927 г. говорит целый ряд писем, направленных С.А. Безбахом в различные инстанции с просьбой выделить средства на эти цели [Д. 65. Л. 20, 21; Д. 57. Л. 72]. В письме председателя ЛОИКФУН В.А. Егорова упоминается и какое-то соглашение между двумя обществами [Д. 57. Л. 99].

В 1929 г. на заседаниях отделения неоднократно обсуждался вопрос о взаимоотношениях с ЛОИКФУН, был даже подготовлен проект сотрудничества, предполагавший совместную исследовательскую работу, права собственности на материалы и места их хранения [Д. 57. Л. 307]. Однако этот вопрос, судя по всему, так и не получил формального решения.

Тем не менее в июне 1929 г. Окружной исполком выделяет отделению средства на летние работы, часть которых направляется на «эконо-

мико-этнографическое и молочно-хозяйственное обследование Куйвазовского района», которое берут на себя М.Д. Торэн и Е.Р. Лепер. В результате экспедиции было сделано около 200 фотографий и привезено больше 150 экспонатов. По материалам этой работы были подготовлены рукописи М.Д. Торэн «Крестьянское молочное хозяйство в Куйвазовском и Парголовском районах Ленинградского округа», Е.Р. Лепер «Земледелие в Куйвазовском и Парголовском районах Ленинградского округа», «Крестьянские постройки на Финско-Ладожском перешейке» и «Ткачество у крестьян-финнов перешейка» [Д. 80. Л. 37]. В 1929 г. вышла небольшая публикация под грифом отделения на Финско-Ладожском перешейке «Куйвазовский район Ленинградского округа (краткая характеристика) — Выставка работ по изучению Куйвазовского района».

В это же время среди членов Общества появляются жители области, причем на оборотах анкет в этих случаях часто содержатся пометки, касающиеся возможности их использования в качестве информантов для этнографической работы.

Например, на обороте анкеты Таску Якова Ивановича (1882 г.р. дер. Фоляярви Куйвазовского р-на) приписано карандашом: «почтовый адрес: Матокса Воляярви Як.Ив. Таску. По вопросам экономики и фольклора» [Д. 39. Л. 147]. В анкете Саволайнен Иды Ивановны (1903 г.р.), проживавшей в с. Лупполово Парголовского р-на есть пометка о том, что она «владеет лучше финским языком, чем русским. Знает ткачество. Хорошо теоретически и практически» [Д. 39. Л. 145].

Активное сотрудничество этнографов с обществом продолжалось и в 1930–1931 гг. Летом 1930 г. было произведено обследование финской коммуны «Труд», на Финско-Ладожском перешейке также проводились работы в 1930 г. и в первой половине 1931 г. [Д. 4. Л. 75–75 об.].

Однако в 1931 г. положение отделения резко ухудшается. К этому времени Общество становится самостоятельным — Ленинградское общество по изучению местного края было закрыто в 1929 г., а появившееся на его месте Ленинградское окружное общество краеведения — в 1930 г. Средства на работы окончательно перестают поступать, а Музей северных окрестностей, существовавший с февраля 1928 г. на базе Педагогического музея Выборгского района, окончательно реорганизуется, став музеем Выборгского района. После 1931 г. экспедиционные работы общества прекращаются.

Мария Давыдовна Торэн с 1929 г. работала в Музее антропологии и этнографии, а с организацией в 1933 г. Института антропологии и этнографии стала научным сотрудником II разряда [Станюкович 2003: 69–70; Королькова 2006].

Евгения Романовна Лепер была зачислена в 1929 г. в ГАИМК научным сотрудником II разряда, откуда была уволена после чистки 1930 г. В 1931–1934 гг. она работала заведующей Музеем Ленинградского Пригородного района (г. Пушкин), а в октябре 1937 г. была принята на работу в кабинет Европы ИАЭ, где работала до перехода на кафедру этнографии ЛГУ [Лепер 2012; Королькова 2006].

Местонахождение материалов, собранных отделением ЛОИМК на Финско-Ладожском перешейке в 1928–1931 гг., пока неизвестно. В РЭМ хранятся коллекции, собранные Е.Р. Лепер для ЛОИКФУН, переданные туда после закрытия общества в мае 1931 г. Однако в архиве отделения сохранился акт о передаче коллекций бывшего Музея северных окрестностей Ленинграда Пригородному райисполкому для районного краеведческого музея, подписанный научным сотрудником районного краеведческого музея Е.Р. Лепер и представителем отделения Ленинградского областного Общества краеведения на Финско-Ладожском перешейке В.В. Маневским. Акт подписан 25 ноября 1932 г. и включает список более 200 предметов материальной культуры (этническая принадлежность предметов не оговаривается) [Д. 159].

Источники

Анкеты членов общества изучения местного края за 1926, 27, 28, 29 и 1930 года // ЦГАЛИ. Ф. 296, Оп. 1. Д. 39. 155 л.

Годовой отчет Отделения ЛОИМК на Финско-Ладожском перешейке за 1929 г. // ЦГАЛИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 80. Протоколы заседаний правления ЛООК на финско-ладожском перешейке и отчеты о деятельности ЛООК. 19.3.1929 — 25.2.1929. 55 л.

Копия акта обследования общества комиссией // ЦГАЛИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 4. Протокол заседания Комиссии по переработке устава Общества Лесного института, переписка о взыскании с Ташкентского Окружкома МОПР/а статистические обследования Музея северных окрестностей. 1928–1931. 100 л.

Копии удостоверений, выписки из протоколов, докладная записка о деятельности ЛОИМК'а и переписка по вопросам краеведения // ЦГАЛИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 57. 3.01.27 — 26.03.28. 314 л.

Отчет за ноябрь 1923 г. // ЦГАЛИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 6 Отчеты о деятельности общества, протоколы и переписка по хозяйственным вопросам. 22 марта 1923 — 29 декабря 1925. 205 л.

Перечень экспедиций, обследований, изысканий, разведок, производившихся в 1930–193 г. (сост. 21 мая 1931 г.) // ЦГАЛИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 4. Про-

токол заседания Комиссии по переработке устава Общества Лесного института, переписка о взыскании с Ташкентского Окружкому МОПР/а статистические обследования Музея Северных окрестностей. 1928–1931. 100 л.

Письмо АОЛГИ // ЦГАЛИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 37. Переписка с разными организациями о материалах для о-ва и с правлением клуба им. Орлова. 17.01.26 — 30.12.26. 269 л.

Письмо В.А. Егорова С.А. Безбаху. 12.07.27 // ЦГАЛИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 57.

Проект устава, положение отделения и музея Северных окрестностей. Сведения о деятельности и смета отделения и музея. План работ и докладно-расходная смета. 25.1.1927 — 15.5.1928 // ЦГАЛИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 65. 32 л.

Стенограмма I-го открытого собрания отделения общества Старого Петербурга в Северных окрестностях 17-го июля 1923 года // ЦГАЛИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 9. 30 августа 1923 г.

Текст, отправленный для напечатания в «журнале «Известия краеведения». 11 мая 1927 г. // ЦГАЛИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 47. Культурно-просветительная работа и организация научных литературно-художественных и этнографических вечеров. 3.5.1927 — 15.5.1929. 51 л.

Библиография

Вайнштейн С.И. Романтика и трагедии в судьбе Альберта Николаевича Липского // Репрессированные этнографы. М, 2003. Вып. 2. С. 455–492.

Глезеров С.Е. К истории краеведческого движения в Лесном // Невский архив. СПб., 2001. Вып. 5. С. 232–254.

Глезеров С.Е. Лесной, Гражданка, Ручьи, Удельная... СПб., 2006.

Глезеров С.Е. Лесной: исчезнувший мир. Очерки петербургского предмета. СПб., 2011.

Глезеров С.Е. Эпоху делают детали // Санкт-Петербургские ведомости. 2009. 4 дек.

Ионова О.В. Создание сети краеведческих музеев РСФСР в первые десять лет Советской власти // История музейного дела в СССР. М, 1957.

Кобак А.В. Особняки и дачи старого Лесного // Невский архив: Историко-краеведческий сб. 1999. Вып. IV. С. 436–455.

Королькова Л.В. Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народностей. Дела. Люди и судьбы // In situ: Сборник в честь 85-летнего юбилея проф. А.Д. Столяра. СПб., 2006.

Кравченко Г.В. Лесной и лесновцы. Картины 30-х годов // Нева. 2007. № 8–10.

Кравченко Г.В. Старый Лесной: три адреса моего деда // Нева. 2004. № 10. С. 264–270.

Лаврентьев Н. Неизвестные факты жизни известного краеведа Лесного Сергея Александровича Безбаха // Доклад на Лесновских чтениях 14.11.2009. Рукопись.

Лепер Евгения Романовна // Этнографический библиографический словарь. URL: http://www.ethnology.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-238-8/. (Дата обращения: 26.12.2012).

Мельникова Е.А. «Сближались народы края, представителем которого являюсь я»: краеведческое движение 1920–1930-х годов и советская национальная политика // *Ab Imperio*. 2012. № 1. С. 209–240.

Решетов А.М. Тернистый путь к этнографии и музею: страницы жизни Т.А. Крюковой // *Репрессированные этнографы*. М., 2003 а. Вып. 2. С. 269–300.

Решетов А.М. Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин // *Репрессированные этнографы*. М., 2003 б. Вып. 2. С. 147–192.

Соловей Т.Д. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. М., 1998.

Станюкович Т.В. Музей антропологии и этнографии за 250 лет // 250 лет Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. М.; Л., 1964 (Сб. музея антропологии и этнографии. Т. XXII).

Станюкович Т. В. Музейные работники в годы блокады (по материалам архивов ЛО ИЭ и АН СССР) // *Из истории Кунсткамеры, 1941–1945*. СПб., 2003.

Титов Б. Школы Лесного в 1910–1920-е годы. Исследовательская работа ученика 534 школы. Санкт-Петербург, 2009. Рукопись.

Francine Hirsch. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. 2005.

Л.Э. Сутягина

ШВЕДСКИЕ ЛОЖКИ В КОЛЛЕКЦИИ МАЭ РАН

В собрании Музея антропологии и этнографии РАН хранится богатейшая коллекция деревянных ложек народов России и Европы (№ 3547), собранная Владимиром Александровичем Рышковым в начале XX в. Коллекция была приобретена у собирателя в 1927 г. Однако уже в 1908–1910 гг. от В.А. Рышкова в фонд МАЭ РАН были приняты предметы коллекций под № 1454, 1786, а в 1925 г. — № 3143, 3144.

О собирателе В.А. Рышкове известно немного. До революции он служил чиновником особых поручений, много ездил по России и за границу. Судя по коллекционной описи № 3547, Рышков приобретал ложки на ярмарках, в торговых лавках провинциальных городов, в европейских городах, в том числе и в городах Северной Европы. Мы не знаем,